

Бытие есть Могущество

[Насколько иллюзорно представление современной западной культуры (и ее философии) о том, что она ясно понимает свои античные истоки, и что она понимает под «своим» в истоках.]

Помнится как-то я задавался одним вопросом: «Как это древнегреческая философия — языческая философия — смогла так легко взять за исходное понятие «бытие»? Ведь оно крайне абстрактно, всеобще, холодно и ненаглядно?!».

Потом этот вопрос выкристаллизовался для меня в тему подмены в язычестве бытия бытом. Если скрупулезно и педантично, то: замены «быта и бытования» богов на бытование людей около богов (о них и по поводу них), на героев и священность, но уже людей (особых «человеков»). А потом и подминание богов (и героев) своим «личным», «частным» бытом: особым, священным, праздничным, престижным, выделяющимся на фоне других, остальных, простых смертных.

[Некое «двоеверие», как переход: быт как частное, интимное дело насквозь общественно, публично.] Выставлением на показ своего богатства, тела, покоев. *[Уже в египтянстве есть а-теизм.]*

(Корысть, развращенность, «позволять себе стали!», богатство, исключительно «для себя и своих»).

И вот сейчас я, кажется, нашел (понятно для себя) последнее звено, которое ставит все на свои места. Если переводить термин бытия с развитого (якобы традиционного) философского языка обратно, на древний, греческий, мифологический язык, то мы не получим слово «существование», или «сущность», не получим «существенность», «единое», «нечто» и т.п. (Достаточно вспомнить, что Платон «почему-то» на вершину иерархии идеального мира ставит Благо.) Мирча Элиаде очень просто (я бы сказал, простодушно) пишет о сакральном, священном как подлинно реальном, обладающим подлинным бытием, ибо оно (и только оно) обладает для варвара могуществом (не может быть, а обладает «можеством», санкционируя его «вниз и вширь», т. е. «все остальное»). Так вот, Бытие, если реставрировать его в одном слове, то это и будет Могущество. (Живое, энергичное и «среднего рода».) В Могутельстве прозрачно выражены (сохранены): божественность, сила, мощь, высшее, но, одновременно, профанная, телесная ясность (бытовая) расстановки сил: «кто есть кто» и «что почем». *[Плоть, объем, масса, материя будущих материалистов и естественников.]*

[[Вокруг так понятого (и дополненного) бытия и ходили кругами такие мыслители «эпохи конца и начал», как Штраус, Маркс, Бергсон, Ницше, Шопенгауэр, Соловьев, Леонтьев и другие. Они хотели вернуть абстрактной

Бытие есть Могущество

философии рационализма плоть мира (Марью Моревну), но она была «возвращена» Западу другим страшным, чудовищным и мощным способом. И... ничего! Сегодня опять уже все забыто.]]

Перед нами и субстанция и субъективность, и полет и плевок.

Что исключительно в людской ипостаси (для профана) всегда оборачивается произволом, своеволием, насилием. А в божественном, в бытии всегда – игра свободных естественных (что и есть реальные, подлинные) сил природы (натура).

[После перерыва.]

Бытие это мощь, жилистость мира. Стало быть, жила. Нечто пульсирующее: извечно сокращающееся и растягивающееся. И здесь мы подходим к очень важному рубежу в мифологии и языческой философии одновременно.

Дело в том, что пульсация может иметь разную направленность (вектор). Бытие противоположно вектору пожирания, глотания, импульсу сглатыванья. (Такой импульс не цикличен, а «зациклен». Извечное становление, импотенция, Сансара, Ад. Как трудно героям в сказках научиться не оборачиваться, не делать привычного, не вертеться. Это трудно, как не сморгнуть. «...И глазом не сморгнул»)

Вспомним огромную традицию в мифологии, когда господствовал Хаос, Панта, Глотка и его вектора (дочери, сыновья). Уран, Крон. Они вечно запихивали сотворенное обратно или глотали своих детей. Вспомним целую эпоху Дракона, который все и вся пожирает. Кошеч Бессмертный – все уходит на его поддержание, а он ничего не может продуктивное породить. Все как в дыру уходит. Прорва. («Черная дыра» астрофизиков).

Нет, бытие должно иметь животворный, рождающий характер. Оно должно быть пупом, лоном (маткой, влагалищем), фаллосом – отверстиями, но другими (пространственно и по времени; вход и выход должны быть «два», а не «одно»). Они должны в жизни место занимать разное *[Пусть поначалу, но их (вход и выход) нужно развести!]*. Должны быть отверстиями, кратерами, разрывами, извергающими жизнь, пульсирующими жизнью (во-вне), но сами при этом не истощающимися.

Однако приходит время, когда бытие должно доказать свое могущество не в извержении, а в свержении, уничтожимости, в ничтожестве. Бытие, его могущество должно научиться, должно уметь не только разбрасываться, но и собираться, почти до ничтожества, до микроскопичности, невидимости. И при этом не терять своих могущественных, животворящих форм. Оно должно быть как атом Демокрита, кварк современных физиков, но оставаться с такими же свойствами (можества!), пульсировать, мигать. *[Вспомним мотив как Иван-Царевич (определенный человек, особый герой) хочет унести*

Бытие есть Могущество

Марью Моревну (Материю, Мощь Безмерную!?) у Кощея Бессмертного. И... не может.]

На этом рубеже и происходит оборачивание понимания/переживания блага (божественности) своей противоположностью. Те ее проявления, что не могут этого, должны быть уничтожены, стерты с лица земли, должны потерять свой безмерный вид. Беда титанов, что они не могли быть компактными, сокращаться, минимизироваться.

(А огромное должно уметь быть маленьким, Людоед – кошкой и мышкой *[но, чтоб при этом его случайно не съели!]*. Есть, вероятно, еще один путь: отлежаться, уйти на край, переждать. Образ «Емели» нет-нет, да напмнит мне Святогора, или былинку об Илье Муромце, рассказанную в обратном порядке. Может быть, Емеля – это Святогор или Илья, которым нет дела «по руке». Вот они и оборотились Емелей, который залег на печь *[как в гроб]*, ждет да посмеивается *[сиднем сидит]*, «бездельничает».

[Когда Индра поверг Вритру, он скрылся в Заповедную Даль и спрятался в Лотосе!])

То, что не может дифференцироваться – мешает. Поэтому герои вынуждены их раскромсать, расчлениить, уничтожить их безмерность и хаотичность.

[И сразу же вступает в силу феномен вины. Перенос, разделение ответственности, соучастие в творении и возрождении, стало быть, в уничтожении. Герои заражаются недугами (и заряжаются от) своих жертв. Геракл, Беллерофонт, Эдип.]

Конечно, это не значит, что есть буквальная линейная последовательность пожирания, исторжения, расширения и сворачивания. Нет. Мифология – расставленный в пространстве и рассказанный во времени миг жизни, или Промысленное Бытие – Философии, или Распятие Бога-Человека! *[Фотон - и частица, и волна, одновременно.]* Но все же преобладание во времени (эпохи) и в пространстве (уровни и виды) имеются. Облики бытия различны. Ведь замечено (в сравнении с последующим), что древнейшая мифология слишком грандиозна, красочна и эротична. Стало быть, есть крайняя импульсивность бытия: огонь, кратер, тело, эрекция, извержение семени, глотание пищи. Во всем этом есть некая конвульсия, слишком живое (анти-Ницше), безобразное. А есть более мерные формы и способы бытия: плеск (ласкание) волны о берег, ветерок и ... дыхание. Это замечательный образ и телесный процесс. Замечательно, что он телесен, и производится тем же органом, что и заглатывание пищи. Стало быть, возможны укрощение, перерождение, развитие, режим, мерность. *[Поиск первыми натурфилософами гармоничных первооснов.]*

Бытие есть Могущество

Вода. Воздух. Огонь. И слишком забежавший вперед «апейрон», еще напоминающий самим грекам «хаос».]

А речь, речение!?

Когда Гераклит говорил о том, что космос есть периодически вспыхивающий и затухающий пожар, мы часто забываем, что он говорил о мерно возгорающемся и мерно затухающем огне. Т. е. о гармонии, не экспрессии и экзальтации (на манер романтиков, авангарда и модернистов), а о мире и мере. Мерцание. Дыхание легких космоса. Вот и появляется Нус, «а затем» и Логос Бытия, Божественный Голос. Беседа вещей. *[А не только распря и вражда.]*

Выдыхаю Голос, а вдыхаю Логос. Логос – Голос, наоборот; сзади наперед.

Нельзя не вспомнить, что в том же духе «рассуждал», точнее, рек Будда, когда говорил о светильнике, в котором огонь угас. Почти – ничто, ибо нет огня, света, но есть светильник (форма, потенция), лампа, лампада. (Близкая метафора и в еврейской философии; Гебирольт.) Нечто – почти ничто. Почти все.

Вот мы и подошли к миру как человеку, цельно-вечному, который был разрублен *[Пуруша; и которого нужно обязательно полить сначала мертвой, а потом живой водой!]* Сейчас уместно сказать о языческом философском идеале: человеку как мере всех вещей.

Речь, конечно, не идет о господстве людской массы или интеллекта над миром. Дело совершенно в другом. Наличие человека в мире, просто его присутствие есть бесспорное доказательство мира, реальной возможности и мощи бытия в направлении единства, мира, взаимосогласованности и развития. Человек, его «особое бытие» есть выражение и представленность всеединства уровней и форм бытия. Тело, душа и дух. Эмоции, воля, ум. Созерцание, Дыхание, Гнев, Остолбенение, умирание. Верх и низ. Живот и вечность. *[Целая натур-философия, физиология и психология в языческой (восточной и западной) культуре.]*

Уточним во избежании недоразумения: человеческое – все-единство, слитность людей с животными, букашками, растениями (вместе, космос, вселенная), а не одного «мира людей». *[Последовательный гуманизм = последовательный натурализм.]*

Получается, что грандиозная картина космогонического (гнать можно в разных направлениях, можно ведь, и нагнетать) мифа свернулась в лаконичную философскую категорию «бытие», которую можно преспокойно положить в карман-голову и периодически разворачивать. Но на такое разворачивание-сворачивание способна не только философия и голова, но и остальная человеческая телесность. И человеческая реальность. Вся действительность, все бытие. (И, говорят, основа мироздания, микромир, с его

Бытие есть Могущество

пульсирующим фотоном, невидимым кварком и неуловимым нейтрино.) Этому хочет через культуру научить человек натуру всего и вся. (Бытие – само учащееся, мучающееся самое само.) Например, современный западник хочет создать ручного, миниатюрного, лакомящегося (пожирающего все и вся) дракончика, точнее его голову – Компьютер.

[Таким Драконом (восточная традиция) является каждый настоящий философ, мыслитель, художник.]

Поэтому современник, как и всякий человек, и берет на себя периодически тяжкую роль Геракла, этого великого чистильщика Греции (усмирять и членить хаос). Роль Эдипа, разгадывающего загадки, но несущего раздор и разлад. Часто сам оказывается Химерой, Медузой Горгоной, во всяком случае, ее частью. И роль Феникса или Адониса. А, в общем и целом, проживает (способен и должен) Судьбу Мессии, Христа.

[И насколько же бытие хитрее, и все же несет через человека, современность, западную цивилизацию (легкомысленную и заблуждающуюся на свой и чужой счет) извечную Свою Историю, Судьбу и Всеединство (свое-наше), Могущество.]